
БОЛЬШОЙ КРИЗИС: ПОРА УХОДИТЬ ОТ РАДИКАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Гринберг Руслан Семенович – член-корр. РАН, директор Института экономики РАН, профессор Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова.

Генезис и причины мирового кризиса.

Начнем с того, что специально кризисы никто не устраивает. В экономике все несколько сложнее, чем, например, в физике. Там мы знаем, что в принципе вода кипит при 100 градусах. А при каком

объеме внутреннего и внешнего долга создастся кризисная ситуация в экономике - знать невозможно. Можно предполагать, что накапливаются проблемы и противоречия и когда-то пузырь должен лопнуть. Но когда точно это произойдет, не знает никто.

Помню, еще в школе учитель географии нам говорил, что скоро Америке придет конец. Тогда, почти 50 лет назад, государственный долг США составлял, насколько я помню, 300 - 400 млрд. долл. И считалось, что, если он достигнет 1 триллиона, Америке ждет кризис. За прошедшее время долг увеличился больше, чем в 20 раз, но ничего страшного не происходило. Поэтому нельзя винить в недальновидности финансовые власти - ни наши, ни европейские, ни США, хотя и они, конечно же, небезгрешны. Как бы то ни было, *кризис в США*, который стал спусковым крючком для финансовых неурядиц во всем мире, *это, в сущности, проявление долго накопившихся противоречий.*

Самое серьезное из этих противоречий и одновременно *первая причина кризиса* состоит в том, что поведение и мотивация менеджеров очень сильно отличаются от мотивации и поведения собственников. В 50-е была опубликована книга американского экономиста Адольфа Берли, в которой он писал о так называемой «революции управляющих» и обратил внимание на одну очень важную вещь: когда вы владеете большим предприятием, «Даймлер», например, или «Крайслер», то вам уже трудно уследить, как реализуются интересы собственника.

Представьте, что вы владелец банка. Вы же не станете давать свои деньги в кредит любому человеку с улицы, вы тысячу раз его прежде проверите, потому что это ваши кровные деньги, и не только его кредитную историю, но и его связи, биографию и прочее. Перед менеджером же стоит в основном техническая задача - обеспечить прибыльность фирмы. Вот они и обеспечивают, это мотив их действий. Им необязательно опасаться за собственность, за репутацию, авторитет фирмы, ее будущее. И они направо и налево раздают кредиты, обеспечивают хорошие балансы. В общем,

как устранить этот конфликт интересов собственника и менеджера - так и остается нерешенной задачей. Это первое.

Вторая причина кризиса состоит в том, что в результате длительной эволюции капитализма получилось так, что финансовая сфера начинает жить собственной жизнью, все больше отрываясь от производства, от реального сектора экономики, из которого деньги, собственно, и берутся. Просто они иногда на некоторое время становятся «лишними» и попадают в банковскую систему и на фондовый рынок. Скажем, у меня в данный момент эти деньги лишние, не надо платить ни поставщикам, ни рабочим, а кто-то строит завод, ему эти деньги нужны. Эти деньги работают уже в банке и кажутся не зависящими от производителя.

Все очень логично работает: **триллионы долларов обслуживают сами себя**. Но в какой-то момент отрыв финансов от реального сектора становится недопустимым. Ведь по разным оценкам, в современном мире только 2 или 3 процента всех финансовых операций связано с материальным производством. Остальные деньги, десятки триллионов долларов, обслуживают сами себя. В США, к примеру, реальный сектор экономики, который действительно что-то производит, это 15 - 18 процентов экономики. А остальное - сфера услуг, в том числе банковская система, страхование и так далее - все, что сейчас лихорадит.

И, пожалуй, *третью причину кризиса* можно добавить - это цикличность развития. В США последние 15 лет шел непрерывный рост благосостояния. В годы пребывания у власти Клинтона было 120 месяцев подряд экономического подъема. А когда пришел Буш, то он, вероятно, подумал: а почему не 140, 150 или 200 месяцев? То есть, когда какое-то позитивное явление длится долго, кажется, что оно не закончится никогда. И дело не в Клинтоне или Буше, это психология людей. Когда наблюдается мощная хозяйственная активность, а финансовые спекуляции направлены только в сторону повышения, люди все больше начинают играть на бирже. Все больше людей покупают ценные бумаги или не очень-то и ценные. Тут уже теряется представление - что за акции покупаются и что на самом деле за ними стоит. Продаются ценные бумаги, финансовые институты обещают по ним прибыль. Половина американцев прямо на своем рабочем месте следят за тем, как их акции растут в цене. Но ведь не может быть реального обогащения только за счет движения цен на бумаги - деньги создает реальное производство.

Можно это сравнить с казино или Финансовой пирамидой, но лучше всего - с мыльным пузырем. В людях начинает говорить стадное чувство. Сейчас, когда пузырь лопнул, это чувство работает в минус: финансовые власти во всем мире столько обещаний дали не допустить кризиса, оказать поддержку банкам, а рынки все равно не верят, игроки выводят капиталы, избавляются от не обеспеченных ничем бумажек. И так до дна. Длинна этого пути зависит от того, насколько материальный сектор оторвался от финансового. Поэтому кризис - это не зло, а скорее, катарсис,

очищение. Может быть, лучше даже, что он сейчас случился, а не через год или два. Чем раньше происходит «схлопывание», тем кризис слабее.

Генезис кризиса: проблемы США.

Финансовый кризис 2008 года стал продолжением фондового кризиса 2002 года. Оба кризиса вызваны одной и той же фундаментальной причиной. Замедление темпов экономического роста развитых стран в конце XX века предопределило высвобождение значительного объема капитала из сферы реальной экономики и его преимущественное использование на фондовом рынке, а впоследствии – на рынке недвижимости. Для предотвращения «схлопывания» создавшегося спекулятивного пузыря на фондовом рынке в 2002 году Федеральная резервная система (ФРС) США значительно увеличила денежное предложение. Под ипотечные кредиты, а также кредиты на погашение задолженности клиентов по кредитным картам эмитировались облигации, размещаемые на рынках. Доступность банковских кредитов привела к росту заемных ресурсов некредитоспособной клиентуры. Дефолты по создававшемуся долгу вызвали цепную реакцию: произошли дефолты по значительному объему облигаций, создалась угроза банкротств в банковском секторе. На развитии финансового кризиса сказался стремительный рост спекулятивных операций внебиржевого рынка. В результате уже на декабрь 2007 года рыночная стоимость всех сделок с финансовыми инструментами в мировой экономике на внебиржевом рынке составила 14,5 трлн долларов. При этом было ясно, что многие из них весьма сомнительного качества ввиду «токсичности» и низкой ликвидности: например, акции инвестиционных банков, облигации гигантов ипотечного рынка Fannie Mae и Freddie Mac, ипотечные обязательства Subprime mortgages, обусловленные просроченными платежами, списаниями charge-off, судебными разбирательствами, банкротствами и прочим.

Далее. Финансовый кризис, проявившийся в падении индексов мировых фондовых рынков, влечет за собой спекулятивный ажиотаж игроков фондового рынка, играющих как на понижение («рынок медведей»), так и повышение («бычий рынок») курса акций. А это, в свою очередь, только усугубляет сам кризис. По имеющимся расчетам, в мире сегодня лишь 2–3 процента всех финансовых сделок связано с реальной экономикой, остальная ликвидность работает сугубо на обслуживании его финансового сектора.

Для преодоления финансового кризиса 2008 года Федеральная резервная система США использовала фактически один инструмент монетарной политики – накачивание ликвидности в экономику. Для этого действовали как прямые кредиты, так и операции репо. Причем в залог по операциям репо ФРС принимает ипотечные облигации, реальные цены которых в условиях кризиса невозможно определить. В связи с этим на повестке дня стоит актуальная задача коренного реформирования мировой финансовой системы, которую, по мнению известных американских финансистов и

экономистов Николаса Брейди, Пола Волкера и Юджина Людвига, следует начинать с расчистки авгиевых конюшен. Имеется в виду создание временных государственных институтов (наподобие Трастовой корпорации для урегулирования, действовавшей в США в 80–90-х на обвалившемся рынке ссудно-сберегательных облигаций), способных в короткое время удалить с финансового рынка «токсичные» бумаги, обязательства по которым не могут быть погашены с выполнением всех условий и в заявленный срок.

Ситуация нестабильности на мировых рынках капитала продлится, вероятно, не так мало, как думалось в начале осени 2008 г. «Эффект домино» в финансово-банковском секторе США может в ближайшее время продолжиться. По всей видимости, дефицит бюджета и государственный долг, в связи с экстренными мерами по «спасению» ипотечных банков, значительно увеличатся. Эта программа, неоднозначно встреченная в политических кругах США, подразумевает выделение из бюджета 700 миллиардов долларов по выкупу ипотечных долгов, что означает массивное расширение прямого государственного вмешательства в экономику. По иронии судьбы, американцы, призывавшие всех к «свободному рынку», вынужденно прибегают к абсолютно «социалистическим» мерам. Можно ожидать, что отношение дефицита бюджета к ВВП в США в 2008 году превысит привычные 2–3 процента, а отношение государственного долга к ВВП подойдет к 80 процентам. Правительство США, скорее всего, продолжит курс по стимулированию экономики за счет роста расходов бюджета. Но надо сказать, что США не боятся в связи с этим инфляционного скачка. Инфляция в Америке сегодня в 5 раз меньше, чем в России.

Не стоит опасаться и за судьбу доллара: его колебания еще не предвестие краха. «Слабый» доллар достаточно силен, чтобы и не помышлять о крупных уступках конкурирующим валютам.

Ситуация экономической стагнации в среднесрочной перспективе сохранится и в Еврозоне. Мировые фондовые рынки ждет значительное «охлаждение». Гигантские средства, выведенные из них, могут быть «переброшены» на товарные рынки, что способно привести к дальнейшему быстрому росту цен на энергоресурсы, металлы и прочее.

Эхо кризиса в России.

В российской экономике больших проблем на первый взгляд меньше. Однако Россия вот уже почти 20 лет является органической частью мировой экономики. Собственно, то, насколько тесно наша страна связана с остальным миром, демонстрирует и нынешний кризис. Конечно, у нас есть свои особенности, но все разговоры о том, что мы можем вновь закрыться и пойти каким-то своим, принципиально иным путем, мне кажутся полнейшей чушью. Недаром в борьбе с кризисом мы предпринимаем точно такие же меры, как и другие государства - от Америки до Австралии.

Мы не хуже и не лучше других, везде одна и та же история: пока гром не грянул - никто не перекрестился. По-моему, никакого особого запаса прочности у нас нет. Если не считать, конечно, резервов ЦБ, позволяющих отбивать атаки на рубль. Но они были накоплены благодаря благоприятной внешней конъюнктуре, которая на глазах меняется. Фондовый рынок страны, обладающей запасом прочности, не "сдувается" в четыре раза за три месяца. При этом я не думаю, что политика сбережения средств в стабилизационном фонде и не использование их на развитие производства себя оправдала.

Есть одна интересная деталь, которая не всем, к сожалению, очевидна. Более или менее ясно, что такое валютные резервы ЦБ. А что такое стабфонд? Это как бы сумма накопленных профицитов бюджетов последних лет. Но обратите внимание: практически все страны борются с кризисом тем, что вбрасывают в экономику дополнительные деньги. Однако профицитом бюджета и стабфондом мало кто из них может похвастаться. Откуда же тогда берется ликвидность? Из воздуха. И у нас, кстати, тоже: наши власти создают впечатление, что берут деньги из резервных фондов, а на самом деле просто-напросто их печатают. После того как профицитные рубли были изъяты из нашей экономики, они перестали существовать. Все, этих денег больше нет в природе, их приходится делать заново.

Конечно, золотовалютные резервы ЦБ, - это очень важный фактор стабильности. Но повторяю, представление, что, кроме них, у нас есть еще какая-то "копилка", в которой откладывались деньги на случай кризиса, - миф. Во время кризиса ликвидность создается из воздуха.

Конечно, если бы деньги были бездумно проедены, то единственное, что мы могли получить, - еще более высокая инфляция. Но ведь есть и другие способы расходования этих средств. Они могли пойти на модернизацию экономики, на различные инфраструктурные проекты - без государственных средств тут, как ни старайся, не обойтись. В конечном итоге это, кстати, решило бы и проблему инфляции. Потому что основная причина высокого роста цен в России вовсе не монетарная: дело не в том, что у нас слишком много денег, а в структуре экономики. Нормальная экономика - с мощной инфраструктурой, богатым товарным предложением, сильной конкуренцией - реагирует на рост покупательной способности увеличением производства. А российская - ростом цен. *В итоге мы получили обе беды одновременно: с одной стороны, консервация примитивной структуры экономики, с другой - разгон инфляции. Собственно, это результат экономической политики всех последних 17 лет, показавшей сегодня свою несостоятельность.* Все эти годы нашу власть волновала исключительно макроэкономическая стабилизация, но ведь главный ее элемент - как раз низкая инфляция. Имея 15-процентный рост цен, говорить о рубле как о резервной валюте, мне кажется, несерьезно. Как светлая мечта, это, наверное, имеет право на существование.

Сценарии будущего.

Что касается будущего, то здесь, на мой взгляд, есть два сценария. Первый - позитивный, если произойдет относительно быстрая стабилизация. То есть инвесторы, игроки на рынках должны поверить в правильность действий и мер, которые власти разных стран сейчас предпринимают. При этом следует иметь в виду, что многие банки и финансовые компании обанкротятся.

Это касается и России. Думаю, для нас это даже полезно было бы. Большинство граждан при этом не пострадают, ведь их вклады в размере до 700 тысяч рублей после 1 октября 2008 года полностью застрахованы. Зато некоторые банки сменят владельцев, другие станут частями более устойчивых и крупных банков. Ведь сейчас едва ли не половина наших кредитных организаций, по сути, не являются таковыми.

Что касается занятости - в первую очередь работу могут потерять банковские клерки, финансовые аналитики, которых теперь ругают почем зря. Но это может быть и к лучшему, потому что они из финансового сектора могут пойти, например, в науку или реальный сектор, который в случае относительно быстрого преодоления кредитного паралича финансовый кризис сильно не затронет. В общем, это позитивный сценарий.

При негативном сценарии рынки и инвесторы не поверят ни в какие спасательные операции. И это приведет к всеобщей мировой рецессии, тут уже и России может не поздоровиться. Если произойдет глобальный спад производства, то вместе с ним снизится потребление сырья и энергоносителей. И никакая ОПЕК не сможет удержать высокие цены на нефть. И вот тогда России уже будет не до создания мирового финансового центра и не до критики США. Ведь Штаты, как их ни ругают, продают мощные технологические системы, машины, самолеты, которые в цене не падают. Их разве что покупать меньше станут. А нефть может заметно подешеветь, в таком случае нам надо будет рубль поддерживать, тратить золотовалютные резервы. Я думаю, что тогда резко сократится импорт, без которого мы прожить не можем. Это плохой сценарий. Все надеются, что он не сбудется, но и такой вариант нельзя сбрасывать со счетов.

При этом многие возможности мы уже упустили. *Хотя в последние несколько лет власти правильно заговорили о производстве, об инновациях, но дальше риторика дело не пошло.* Мы не смогли выработать систему, скоординировать внешнеторговую, кредитную, структурную политики для того, чтобы участвовать в мировой экономической гонке в качестве субъектов, а не объектов этого процесса.

Между тем, для того, чтобы производство могло нормально развиваться нужно наладить оптимальный механизм регулирования экономики: добиться правильного сочетания частных инициатив и государственной активности. *Кризисы и в США, и у нас произошли оттого, что и американцы, и мы, каждый по-своему, но пренебрегали проблемой экономического регулирования, участием государства в экономи-*

ческом процессе. Если бы американцы два года назад обратили внимание на то, что у них ипотекой злоупотребляют, что дают кредиты, да еще и необеспеченные, в 5 раз больше, чем давали до тех пор, то и кризиса, наверное, не было бы.

Похожая ситуация сложилась и у нас - мы ввели либеральную модель экономики без соответствующих институтов и в результате получили пузыри на рынках, бесконтрольное кредитование наших компаний на Западе и т.п.

Наступает время для повышения регулирующей роли государства.

В России главная проблема - необходимость перестройки технологической основы нашей экономики. Вот от этого никуда не деться в любом случае: без производства, без реального сектора мы не выживем как держава. Кризис, кстати, может сыграть в каком-то смысле положительную роль - заставит пересмотреть прежние концепции.

До недавнего времени у нас царило убеждение, что государство вообще ни во что не должно вмешиваться. Промышленная, структурная политика считались чем-то отсталым и заскорузлым. Мол, есть у нас конкурентные преимущества - нефть, газ, - и хватит. А с остальным рынок как-нибудь сам разберется, достаточно создать в стране благоприятный инвестиционный климат. Мы этот климат так и не создали. Но для меня очевидно, что один только инвестиционный климат, даже идеальный - с 2-3-процентной инфляцией, независимым судом и полным отсутствием коррупции, - не поможет преодолеть наше отставание.

Наивно полагать, что высокотехнологичные производства, способные на равных конкурировать с импортом, появятся в России сами по себе, стихийным образом. Частный бизнес просто не будет этим заниматься - слишком велики затраты и риски. И, стало быть, *без государственной поддержки наукоемкого производства не обойтись.*

Что же касается создания госкорпораций, то это, безусловно, шаг вперед. Хотя, я знаю, многие мои коллеги другого мнения на сей счет. Да, возникают жуткие риски ввиду отсутствия демократического контроля. Да, есть очень большие опасения по поводу того, как будут расходоваться "закачаные" туда деньги. Но с другой стороны, с гигантами могут конкурировать только гиганты. Есть хорошее высказывание Брежнев: "Если вы боретесь, вы можете проиграть. Если вы не боретесь, вы уже проиграли". Я не вижу других шансов на то, например, чтобы наши авиастроители смогли войти в тройку ведущих мировых производителей гражданских самолетов. Однако, конечно, о решении проблемы говорить рано. По моим представлениям, руководители того же авиахолдинга должны четко сказать, какие цели перед собой ставят, сколько самолетов мирового уровня и в каком году будет выпущено. Но пока никто не говорит ничего конкретного, и это очень странно. Время не ждет, а это сейчас самый важный для нас ресурс. Еще, слава богу, живы конструкторы, инженеры, высококвал-

лифицированные рабочие, но они, увы, пребывают в весьма почтенном возрасте. Пройдет еще лет 5-7, и произойдет уже тотальное разрушение советского научно-технического потенциала. И тогда все придется начинать с чистого листа.

В тоже время нельзя забывать и об угрозе вырождения государственного регулирования в злоупотребления узкой группы лиц. К сожалению, *очень часто общественный интерес у нас приватизируется чиновниками, преследующими свои частные интересы*. Тем не менее, нет никаких оснований считать, что нынешние антикризисные меры - продукт чьей-то злой воли. *Во всем мире* идут сегодня похожие процессы, *езде усиливается роль государства*. В Германии, например, ажиотажный спрос на Маркса: "Капитал" нарасхват, издателям пришлось даже печатать дополнительный тираж. Упоение "свободной" экономикой прошло, *мир "наелся" радикального, безудержного либерализма*.

Ему на смену идет система, которую я называю *"новым капитализмом"*.

Как я уже отметил выше, одна из причин нынешнего кризиса - в несовпадении интересов собственников и менеджеров: менеджеры рискуют не своими деньгами, и поэтому готовы пуститься на любые, самые опасные авантюры. Чему способствует в свою очередь недостаток регулирования. Все дело в соотношении кнута и пряника, частной инициативы и надзора со стороны государства. Если вы делаете упор на кнут, то получаете Северную Корею. Если на пряник - нынешний финансовый кризис. Оптимума пока не знает никто. Человечество только пытается найти его - методом проб и ошибок.

В начале прошлого века господствовала концепция, в которой государству отводилась роль ночного сторожа. Но все закончилось биржевой катастрофой 1929 года и Великой депрессией. Ответом на нее были три модели: командная советская, где упор был сделан на социальную справедливость; командная гитлеровская - с установкой на национальную сплоченность; англосаксонская, или кейнсианская, - без растаптывания частной инициативы, но с мощным государственным регулированием. Гитлеровская и советская модели показали свою нежизнеспособность. Кейнсианская оказалась весьма эффективной, но и она к 70-м годам исчерпала себя: западный мир погрузился в череду кризисов. Поэтому возникла другая установка - "назад к Адаму Смиту, долой государственные интервенции и регламентации". "Апостолами" этого направления стали такие экономисты, как Фридман и фон Хайек, а политическими выразителями - Рейган, Тэтчер и Коль. Нам, считаю, сильно не повезло, что мировая мода на дерегулирование совпала с нашей перестройкой. Советская система хозяйствования была во многом иррациональной. Но после того как она рухнула, вместо того чтобы начать выпускать хорошие товары, мы вообще почти перестали производить готовые изделия в промышленных масштабах. *"Невидимая рука рынка" позакрывала все, что не относилось к быстрому барышу и "экономике трубы"*. Сейчас в мире другая тенденция.

Очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. Но у "нового капитализма" будут свои проблемы, и, возможно, не менее серьезные, чем у "старого". Мир может удариться в другую крайность - гипертрофированное, ненормальное обобществление. Для России такая опасность особенно велика, поскольку мы исторически подвержены крайностям. У нас либо справедливость без свободы, либо свобода без справедливости. И то, и другое одинаково катастрофично.

Поэтому выход из кризиса потребует развития новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования. Такого, при котором рост социальной справедливости будет не антитезой, а условием повышения экономической эффективности и свободы человека.
